

С.А. Комаров

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЗМА ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЫ М.Е. КОЛЬЦОВА

Работа выполнена при поддержке гранта № 174 Гр/352-09 Международного Фонда «Русский мир» (Москва).

В современном литературоведении кардинально переосмысливаются многие концепты советской науки, предлагаются новые трактовки образцов социалистического реализма, творчество некоторых авторов, выступавших выразителями линии партии, рассматривается с других позиций. На наш взгляд, личность и литературная деятельность Михаила Кольцова, выдающегося советского журналиста 1920-30-х годов, оказавшего большое влияние на развитие русской публицистики XX века, по-прежнему вызывает интерес и заслуживает права на изучение, также требует переосмысления в условиях новой политической и эстетической ситуации. Общеизвестна искренняя приверженность писателя идеалам социалистического государства, в полной мере проявившаяся в его творчестве. Веря в справедливость советской власти, в необходимость построения демократического государства, Кольцов пером журналиста не только воспевал новый строй, но и боролся с его недостатками и просчетами. Очерки составляют особую страницу разнопланового и многожанрового наследия советского журналиста. Во многих из них исследуется предреволюционная история России, анализируются события, приведшие к катаклизмам 1917 года. Советские ученые, касавшиеся творчества М. Кольцова (Б. Веревкин [2], А. Рубашкин [8], Г. Скороходов [9]), в своих работах не обходят стороной и этот аспект его прозы, но – бегло, со свойственной литературоведению той эпохи односторонностью. Цель данной статьи – на материале отдельных очерков Кольцова раскрыть своеобразие историзма его публицистики, предложить непредвзятый анализ особенностей исторического видения писателя.

Обычно в прозе Михаила Кольцова этого жанра выделяют два типа очерков – исторические и документальные [8]. Наиболее характерным для этой стороны литературной деятельности писателя принято считать документальный очерк, так как стихией Кольцова была современность. Но начинал Кольцов-очеркист с исторических образцов этого жанра, в которых собственные наблюдения подкреплены работой исследователя-историка.

Уроженец Киева, Михаил Фридлянд в 1915-1917 годы учился в Психоневрологическом институте Петербурга. В городе на Неве он начал свою журналистскую деятельность (в 1916), здесь стал непосредственным участником событий революций 1917 года. Впечатления о них были положены в основу двух очерков, которые, безусловно, могут быть названы историческими: «Февральский март» (1920) и «Октябрь» (1921-1926), оба

представляющие собой серию зарисовок революционных событий глазами самого Кольцова, их очевидца.

В названных очерках соблюдена единая структурная схема. «Февральский март» начинается с описания суровой природы и обстановки в северной столице в дни февральской революции: темень, беспорядочные выстрелы, пронсящиеся по улицам грузовики, полные шумным народом. В очерке «Октябрь» образными средствами передается атмосфера подготовки к перевороту: «...небо в Петрограде низкое, плотное и непрозрачное. Вечерами обложена земля сизой броней из металла. Под броней спокойно и страшно, как в крепости, издали, как торопливые призраки, проплывают поздние осенние облака» [6, с. 36]. И в том и в другом произведении показывается толпа простых людей, собравшихся у зданий: Таврического дворца – в «...марте» и Смольного – в «Октябре». Рассказчик (Кольцов, непосредственно участвовавший в революционных событиях, делает самого себя героем очерков) сравнивает указанные дворцы до и после революции, таким образом добавляя яркие краски в картины революции. «Таврический был раньше тихий, старенький, уютный, с бесшумными дверями, с воцеленными полами, по ним прогуливались под ручку, обнявшись, депутаты, скользили вприпрыжку пристава Государственной думы» [6, с. 29] и «Здесь (в Смольном – С. К.) было тихо. Степенно шли классные дамы в козловых башмаках, резвыми ногами обегали лестницы дочери тех, чье царство повергнуто во прах, изредка проплывали в облаках благоговейного шепота расшитые золотом старички с оловянным взглядом пустых глаз» [6, с. 37] – такой, спокойной и неторопливой, в подтексте – закоснелой, прогнившей, как и вся Россия до 1917 года в восприятии автора, передана атмосфера этих зданий. Теперь же Таврический дворец «неузнаваем, блестит далеко во мгле лихорадочными бегающими пятнами, лучится тысячью огней, будоражит и втягивает светлыми щупальцами всю мятежную кровь города» [6, с. 29], в этот старинный дом «внезапный хаос пересоздания ...вместил ...революцию, всю Россию» [6, с. 29]. В Смольном в самый канун восстания «шум. Под черными сводами отдаются приказания, грохочут десятки ног сменяющейся охраны. По коридорам густыми серыми струями текут патрули, команды, пикеты» [6, с. 37]. Всюду движение, энергия, которая, по твердому убеждению писателя, так необходима стране, пронизывает эти центры революционных перипетий в Петрограде.

Далее в очерках даются зарисовки с элементами диалогов, дополняющие атмосферу преобразований, охватившую Россию. Участниками этих сцен, происходящих как на улицах, так и в самих дворцах, выступают как простой восставший люд, так и реальные деятели революции и представители русской интеллигенции (на минуту возникает А.М. Горький, в уста известного революционера второй половины XIX века, переводчика «Капитала» К. Маркса Г.А. Лопатина и писателя Л.Н. Андреева автор вкладывает их оценки происходящего – «сподобились увидеть конец» монархии (Лопатин) и «начало конца» [6, с. 32] России (Андреев)). «Февральский март» представляет

читателю картину митинга в Таврическом, действующими лицами которого являются председатель Временного комитета Государственной думы М.В. Родзянко, лидер партии кадетов П.Н. Милюков, член думы, в недалеком будущем глава Временного правительства А.Ф. Керенский. Автор обрисовывает лаконичные портреты ораторов и приводит их обращения к народу: Родзянко апеллирует к «молодцам-преображенцам», Милюков называет восставших «гражданами», а Керенский – «товарищами». Здесь следует характерный, в духе политической агитки, комментарий: «Это слово теплее, нужнее, чем»граждане» и «молодцы-преображенцы» Стихия улыбается чуткому оратору, дарит его водопадом рукоплесканий. В восторге первого освобождения рабочие, солдаты хотят одарить и осчастливить каждого и особенно того, кто нежнее погладит могучую, шершавую, разогнувшуюся спину народа» [6, с. 31]. Кольцов подчеркивает определяющую роль народа в февральской революции, а ее вождей называет «легкими щепками в бурном беге потока», водопада, который бьет дальше, тащит вперед, кружит, приподнимает и бросает в прах» [6, с. 30]. Слышны в очерках и народные интонации, безусловно стилизованные и нарочито подчеркивающие общий пафос произведений – уверенность автора в необходимости и справедливости революций, его пробольшевистский настрой («Сторонись! Ишь буржуи, расселись!» [6, с. 37], «Как мы внутреннего врага победили, значит, теперь супротив внешнего фронта направить должны. ...– Ну, это еще как посмотреть. Пока Милюковы эти в министрах, нам добра не видать. Темны дела» [6, с. 35]).

Также в текст очерков автор вкрапляет элементы хроники событий, таким образом расширяя реальный исторический контекст. К примеру, в «Октябре»: «В три часа Смольный предложил Временному правительству сдать оружие. В четыре юнкера и женщины-добровольцы обещали министрам, что защитят их до последней капли крови. В шесть из Петропавловки опять предложили сдаться. Кто-то властно и грубо выключил телефоны, дворец очутился одиноким, обреченным островком среди Петербурга» [6, с. 39]. Примечательно, что такие факты, изложенные почти в протокольном духе, соседствуют со случаями полуанекдотического характера, как в «Февральском марте», где констатируются следующие проявления хода революции: великому князю Михаилу Романову в поезде предложили купить проездной билет, от чего все пришли в восторг, Керенский на встречах и приемах всем без исключения подавал руку, так демонстрируя свою близость идеалам демократии и т.п.

Эти первые исторические очерки Кольцова еще не конца пронизаны тоном непререкаемой и единственной правоты большевистской власти. В приведенных цитатах, безусловно, слышны отголоски подобной идеологичности, но общая направленность произведений, все-таки, по большей мере нейтральная. Февральская революция названа автором «самой странной в мире... рожденной без плана, организации и без вождей» [6, с. 31], роль большевиков в ней вообще не освещена, лишь однажды автор задается риторическим вопросом: «О чем думают молчаливые, притаившиеся пока

немногие большевики?» [6, с. 31]. В «Октябре» деятельность Временного правительства никак не оценивается, равно как и не выпячивается казалось бы априори позитивная роль ленинской партии. А в следующей сцене этого очерка, на наш взгляд, подвергается сомнению необходимость насилия, охватившего в 1917 году всю страну: некий американец, названный Кольцовым «анархистом», в котором угадывается Джон Рид, наблюдающий за ходом революции в России, замечает, что не ожидал от русских, которые, следуя Толстому, не должны противиться злу насилием, что они «будут так драться между собой» [6, с. 38].

Субъективность и тенденциозность Кольцова в оценках исторических событий, диктуемая политическим моментом, усиливается в его более поздних очерках. Одним из наиболее показательным в этом отношении является очерк 1927 года «Далекие следы». Здесь автор в обратном хронологическом порядке прослеживает события русской истории, случившиеся в разные годы 1 марта, ставшие затем ее своеобразными вехами. Начинается этот экскурс, вновь, с Февральской революции. Критика ее перипетий здесь более открытая, чем в «Февральском марте». Высмеивается всеобщий оптимизм, эйфория, охватившая разные слои населения (интеллигенцию, военных, мещан), демагогия о «великой бескровной революции» [6, с. 87].

Далее Кольцов вспоминает о 1905 годе. Ярких событий собственно 1 марта в истории России не было, тем не менее, автор, следуя схеме, связывает этот день с Кровавым воскресеньем («Тоже весна, таял снег, свежие ручьи времени смывали, но не могли смыть кровавых пятен Девятого января на Дворцовой площади» [6, с. 87]) и русско-японской войной («Изувеченная армия возвращалась с дальневосточных окраин, с опозоренными ненужными смертями маньчжурских полей, подгоняемая победной издевкой японских генералов, проклятиями разоренных китайских провинций» [6, с. 87]). Упоминание этой бесславной войны нужно Кольцову, как ни парадоксально, для того, чтобы показать преимущества советской власти и ввести в текст очерка цитату из статьи Ленина, вышедшей как раз 1 марта 1905 года (в ней будущий «вождь мирового пролетариата», отгалкиваясь от факта поражения русских в Маньчжурии, рассуждает о необходимости «открытой народной войны против царского правительства и его сторонников» [6, с. 88]). Писатель приводит также фрагмент из книги В.В. Вересаева «На японской войне», где говорится о биологическом, разрушительном в характере русского солдата, которое стало причиной зверств в Китае («Маленькие, тихие, желтые бедняки, в жизнь которых ворвалась нелепая, чужая, грубая сила, называли русских офицеров, казаков и солдат общим нарицательным именем: «Ломайло» [6, с. 87-88]). Такое животное начало, проявившее себя в ту пору, стало, по утверждению Кольцова, очередной характеристикой царизма, иначе как объяснить тот факт, развивается мысль советского публициста, что «русские красноармейцы» считаются «самыми дисциплинированными и политически грамотными солдатами мира» [6, с. 88], что «Советский Союз один в пустыне

земного шара поднимает голос на защиту Китая» [6, с. 88], что «китайские солдаты... со слезами на глазах благодарят русских пролетариев и крестьян за братскую поддержку» [6, с. 88]. Автор целенаправленно придерживается единого идейного русла, согласно которому только власть большевиков заботится о простых тружениках и за это ценится ими повсюду.

Два других важных, с точки зрения Кольцова, для истории России события, произошедшие в первый день весны, – покушения на императоров Александра III и Александра II, соответственно в 1887 и 1881 годах, последнее из которых было «успешным» – царь умер. В первом, в соответствии с обратной хронологией очерка, покушении, как известно, участвовал брат Ленина Александр Ульянов, член террористической фракции «Народной воли». Упоминание этого факта нужно Кольцову, чтобы показать, вновь, жестокость и бездушие царизма, с одной стороны, и глупость и ограниченность именно этого императора, с другой, – резолюции, подписанные Александром III по делу Ульянова (их автор цитирует), демонстрируют как раз это качество монарха. А ссылка на убийство Александра II в тексте очерка довольно пространно связана с пропагандистским комментарием о молодом поколении советского государства – пионерах, которые «не знают ни бога, ни царя», но «знают о Ленине, даже о Марксе», детство которых «не запятнано угнетением», «не затенено подавленными вздохами отцов» [6, с. 90].

Вслед за этой частью в «Далеких следах» подробно излагается ход событий так называемого «Ленского расстрела» в 1912 году, когда на приисках золотопромышленного товарищества на реке Лена в Сибири в результате забастовки и последующего расстрела рабочих правительственными войсками пострадало, по разным оценкам, от 250 до 500 человек, в том числе 107 – 270 человек погибло. Безусловно, и этот исторический факт служит автору для доказательства все того же тезиса о преступной политике русской монархии. Эта мысль изложена в характерном для социалистического реализма ключе – правящие в России до 1917 года сословия описаны как «уродливые гримасы, беснующиеся рожи» [6, с. 90], а их отношение к простому народу – это «людоедские пляски на расprostертых в крови человеческих телах» [6, с. 90]. В рассказе о событиях на Лене Кольцов опирается на записи, дневники их участников, он доказывает, что причины забастовки и последующей трагедии были отнюдь не политическими, как утверждала царская печать, а сугубо экономическими – тяжелейшие условия труда и быта, мизерная оплата и ужасное питание. Дается детальная хроника событий, приводятся требования забастовщиков, описываются условия их жизни на приисках. В этой части очерка Кольцову не откажешь в документальности и исторической правде. Хотя и здесь писатель не обходится без едких, предвзятых, идеологически односторонних оценок и комментариев, вроде следующих: «царские палачи» [6, с. 93], «там, где властвует буржуазия, не может быть равных» [6, с. 92], «двести семьдесят смертей ...собрали в одно весь русский пролетариат» [6, с. 93]. «От жуткой, дикой, баснословной ленской повести прямая цепь ведет к

великому сказу о пролетарской Октябрьской революции» [6, с. 94], – таково кольцовское резюме событий 1912 года. Вывод ко всему очерку еще более глобальный: традиционно называя старую Россию «колоссом на глиняных ногах», автор развивает эту метафору: «Рыхлая глина налилась плотью и кровью выросших и окрепших рабочего и крестьянского классов» [6, с. 95] и говорит о постепенном «гниении» самодержавия и неизбежности революции.

Очерк «Великое нетерпение» (1927) посвящен изображению и комментарию событий между двумя революциями 1917 года. Центральное место в проблемно-композиционной структуре произведения занимает описание событий 4 июля, положившим конец установленному Февралем двоевластию. Положение в стране к началу июля крайне обострилось: наступление армии на фронте провалилось, экономическая разруха углублялась, свирепствовал голод. Такая ситуация привела к вспышке манифестаций рабочих и солдат против правительства – это произошло 3 июля. На следующий день большевики возглавили народные выступления. Главнокомандующий Петроградским округом приказал юнкерам разогнать демонстрацию, контрреволюционерами были организованы провокационные обстрелы демонстрантов, в результате погибло 56, а ранено – 650 человек. После этого город был объявлен на военном положении, большевики вновь ушли в подполье, за Временным правительством была признана «неограниченная власть» [1, с. 275] – революция, таким образом, прекратила свое мирное развитие.

Как всегда у Кольцова, и это историческое событие, июльский кризис 1917 года, описывается с большей или меньшей степенью тенденциозности. Автор «Великого нетерпения», где только возможно, подчеркивает негативную роль Временного правительства в развитии революции и, напротив, старается «воспеть» большевиков. Проводя мысль о том, октябрьский переворот был как нельзя более своевременным – благодаря мудрости лидеров РСДРП (б), он замечает: «Но какая это была мука, какое испытание, может быть одно из сильнейших испытаний для партии большевиков, – часами... уговаривать солдат остановиться, не идти слишком рано на буржуазию!» [6, с. 189]. Советский публицист, спустя десять лет после описываемых событий, дает открыто обвинительную характеристику политических противников ленинской партии: «Меньшевики и эсеры выслали в июльские дни против трудящихся броневики. Это был их ответ на порыв революционного Петрограда глотнуть свежего воздуха в невыносимой духоте. Авантюристы, проходимцы, пенкосниматели в чесучовых пиджаках, напрягшись изо всех сил спасли буржуазию, продлили ее дни. Ненадолго! На один исторический миг» [6, с. 192].

Собственно манифестации рабочих представлены в очерке в откровенно плакатном советском стиле. «Мирные демонстрации ...ждут, чтобы ушли десять министров-капиталистов, чтобы очистили место для тех, кто вспомнит о ста миллионах еще не освобожденных рабов, о двух миллионах, проливающих

в окопах кровь свою за угнетателей» [6, с. 191], – вновь выпячивается пресловутая «народность» большевиков, действительно, по твердому убеждению автора, пекущихся о простом народе. Колонна рабочих – «грозная», пролетариат выступает «торжественно, величаво», матросы Кронштадта, псевдообразно названные «всем живым и активным» движутся «великим переселением народов» [6, с. 189] и т.д. Подобные художественные средства соседствуют с реалистическими зарисовками, в которых особое место занимают дети: «...ребятишки семят, держась за палец отцов, младенцы во сне шлепают губами на руках у матерей» [6, с. 190], «...и отцы опускают головы, и матери смыкают брови, и дети кричат в темноте, испугавшись июльских молний, воды и мрака» [6, с. 191]. О цели введения в текст таких картин догадаться несложно – Кольцов стремится показать сплоченность простого народа в борьбе с «угнетателями», вызвать у читателя жалость к невинным жертвам революции и ненависть к «поработителям свободы».

Интересным представляется сравнение данной трактовки июльских событий 1917 года с другими комментариями их очевидцев, коллег Кольцова по литературному цеху. На трагедию 4 июля откликнулись многие представители писательской интеллигенции (Л.Н. Андреев, Д.С. Мережковский и др.), выразившие в своих статьях сожаление о невинных жертвах. Совсем другим настроением проникнуты написанные по горячим следам события фельетоны А.Т. Аверченко «История большевиков» и «Салат из булавок». В них, по замечанию Д. Левицкого, отражен «временный оптимизм, распространившийся в столице в связи с подавлением восстания» [7, с. 239] и официальным запрещением ленинской партии. Этот оптимизм настолько велик, что автор высказывает надежду, что большевизм вскоре вообще прекратит свое существование: «И смахнут большевика со стола, как надоедливую муху со лба... И в этом будет конец большевизма на Руси» [7, с. 240]. Особого комментария в данном контексте заслуживает выступление А.М. Горького в одной из статей «Несвоевременных мыслей». В демонстрации 4 июля будущий создатель социалистического реализма увидел «ужасный выезд социальной революции» [4, с. 91]. «Главнейшим возбудителем драмы» [4, с. 93] автор объявляет глупость русских людей и размышляет о необходимости обретения народом сознания своего достоинства и отречения от рабства внутри себя. Путь к этому лежит через «огонь культуры» [4, с. 92] – если бы интеллигенция с самого начала революции попыталась «возбудить» в народе чувства «этические и эстетические» [4, с. 122], никаких эксцессов не случилось бы. Впервые на страницах «Новой жизни» Горький заговаривает о бесплодности революции: никаких позитивных сдвигов не наблюдается, и, прежде всего, нет столь нужного народу и стране, столь чаемого писателем культурного строительства. Эти рассуждения приводятся автором после нескольких «отвратительных картин безумия» [4, с. 91], посредством которых изображаются июльские беспорядки. Таких уличных зарисовок в «Несвоевременных мыслях», немного, и они насыщены символами и

метафорами: грузовик – это «гремящее чудовище», которое «мчится, точно бешеная свинья»; люди, охваченные паникой, «силой какого-то злого, иронического чародея» превращаются «в оголтелое стадо баранов», «образуют на тротуаре кучи мяса, обезумевшего от страха» [4, с. 92] и т.д. С помощью этих художественных приемов Горький стремится подчеркнуть весь ужас происходящего и заставить читателя задуматься. Они выгодно отличаются от образных средств, используемых М. Кольцовым («Это народ, крестьянство в морских куртках пришло за землю. Хочет покончить со странным и тревожным томлением, хочет пощупать, своими руками подержать землю, ради которой совершилась революция» [6, с. 189] или – «Рабочий Петроград, матросский Кронштадт, столичный гарнизон не могут больше. Они изнемогают в смертельной духоте, они на сто четырнадцатом дне, почти на середине нитки, хотят перерезать ее» [6, с. 189]). Стилистические особенности многих очерков Кольцова на историческую тематику грешат штампами советской прессы и канцелярщиной.

Подводя итог анализу изображения исторических событий в очерках Кольцова, отметим, что автор, обращаясь к фактам недавней истории России, опирается на свой собственный опыт, увиденное им своими глазами в 1917 году, показывает участие в ходе революций реальных лиц, вершителей преобразований, и народной массы, дает уличные и бытовые зарисовки, в которых подчеркивается необходимость изменений в российском обществе. Рисуя более отдаленные события, автор использует документы, дневники, письменные свидетельства очевидцев. В трактовке тех или иных исторических фактов Кольцов не стремится к объективности, общая тональность его характеристик событий, деятелей истории, комментариев откровенно тенденциозна, призванная акцентировать решающую для России, позитивную роль большевистской партии и, напротив, пагубную для страны политику монархии. Эта предвзятость и односторонность писателя проявляется не только на уровне идейного содержания произведений, но и в их, по большей мере, плакатном стиле. За пределами данной работы остались кольцовские очерки-портреты, посвященные некоторым деятелям как дореволюционной, так и новейшей истории. Их анализ в аспекте историзма составляет перспективу дальнейшего исследования темы.

Литература

1. Вайнберг И. Горький, знакомый и незнакомый / И. Вайнберг // Горький М. Несвоевременные мысли. – М.: Сов. писатель, 1990. – С.3-74.
2. Веревкин Б.П. М.Е. Кольцов / Б.П. Веревкин. – М.: Мысль, 1977. – 110 с.
3. Вересаев В.В. Записки врача. На японской войне / В.В. Вересаев. – М.: Правда, 1988. – 560 с.
4. Горький М. Несвоевременные мысли / М. Горький. – М.: Сов. писатель, 1990. – 400с.

5. Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917-2000) / И. В. Кузнецов. – М.: Флинта, 2008. – 640 с.
6. Кольцов М. Избранные произведения: в 3 т. / М. Кольцов. – М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1957. – Т. 1: Фельетоны и очерки. – 1957. – 596 с.
7. Левицкий Д.А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко / Д.А. Левицкий. – М.: Русский путь, 1999. – 552с.
8. Рубашкин А. Михаил Кольцов / А. Рубашкин. – Л.: Художественная литература, 1971. – 208 с.
9. Скороходов Г. Михаил Кольцов / Г. Скороходов. – М.: Мысль, 1959. – 196 с.
10. Шатров М. Февраль: Роман-хроника в документах и монологах / М. Шатров, В. Логинов. – М.: Советский писатель, 1989. – 256 с.

Аннотация

Комаров С.А. Проблема историзма очерковой прозы М.Е. Кольцова.

В статье предлагается анализ историзма очерковой прозы выдающегося публициста 1920-30-х годов Михаила Кольцова. На материале отдельных образцов жанра («Февральский март», «Октябрь», «Далекие следы», «Великое нетерпение») освещаются различные особенности интерпретации некоторых событий российской истории конца XIX – начала XX века: опора на личный опыт и впечатления, использование документов, дневников очевидцев событий, включение в текст уличных и бытовых зарисовок, исторических анекдотов и др. Автор обращает внимание на открытую тенденциозность исторического видения М. Кольцова и делает попытку целостного, по возможности неидеологического, исследования проблемы.

Ключевые слова: очерк, историзм, революция, большевизм, тенденциозность.

Анотація

Комаров С.А. Проблема історизму нарисової прози М.Ю. Кольцова.

У статті пропонується аналіз історизму нарисової прози видатного публіциста 1920-30-х років Михайла Кольцова. На матеріалі окремих зразків жанру («Лютневий березень», «Жовтень», «Далекі сліди», «Велика нетерплячка») висвітлюються різні особливості інтерпретації деяких подій російської історії кінця XIX – початку XX століття: опора на власний досвід та враження, використання документів, щоденників очевидців подій, включення до тексту вуличних та побутових замальовок, історичних анекдотів, тощо. Автор звертає увагу на відкриту тенденційність історичного бачення М. Кольцова та робить спробу цілісного, по можливості не ідеологічного, дослідження проблеми.

Ключові слова: нарис, історизм, революція, більшовизм, тенденційність.

Summary

Komarov S.A. The Problem of History in M.E. Koltsov's essays.

The article is dedicated to the analysis of history in the M. Koltsov's essays. He is a prominent Russian publicist in 1920-1930-th. Different peculiarities of the interpretation of some events in Russian history in XIX – XX centuries (supporting on the author's experience and impressions, using of the documents, the witness' diaries, inclusion of the street and life sketches, historical anecdotes into the texts, etc) are elucidated on the material of the concrete pieces: February March, October, Distant Traces, The Great Impatience. The author pays attention to the sincere tendency of Koltsov's historical vision and tries to give a complete and not ideological analysis of the problem.

Key-words: essay, history, revolution, Bolshevism, tendency.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати д.филол.н., профессором Фризманом Л.Г.